

родителю» он сожалеет, что не обладает «даром» Державина и «жаром» Ломоносова, чтобы достойно «возгреть» ему хвалу. Одическому стилю все еще не находилось адекватной замены в системе литературных жанров. Отцу Злобин посвятил и первую строфу в переложении 40-го псалма.

В переложениях псалмов 40-го и 54-го наиболее выразительно проявилось лирическое «я» поэта. В них говорится о страданиях, вызванных предательством близких людей, что находило соответствие в его личном опыте. Это самые эмоционально насыщенные стихи Злобина. Пересказывая текст 40-го псалма, Злобин усиливает его экспрессию добавлением новых, индивидуальных деталей в описание «злодейств» врагов:

Я рек! О, Господи всемогущий,
Спаси и душу исцели.
Слова убийственны, прискорбны
Враги мои ко мне рекли.
Умрешь — с тобою пресечется
Век имя рода твоего...
<...>
Дела законопреступленья
И гибель устроили мне...

(Л. 107—108)

Смятение и растерянность человека, преданного близким другом, слышатся в переложении 54-го псалма, сохранившего только основную тему оригинала:

Душевной горестью смущаясь,
Терпя хулу обидных слов
И лютой скорбью раздираясь,
И раздраженный от врагов...
<...>
Когда бы враг мой, упрекая,
Восстал — я от него б стерпел...
Но ты, недавно мне любезный
Единомысленный друг мой,
Кто все движения сердечны
И тайны ведал за душой,
С которым вместе наслаждался
Во дни веселья моего,
С которым вместе поклонялся
Во храме бога одного...

(Л. 108 об.—110)

Жизненные реалии, индивидуальные вкусы, привычки и пристрастия Злобина проступают в его небольших по объему стихотворениях. Он обращается мыслью к тому времени, когда прогуливался с друзьями по набережной Невы, восхищаясь зарей и «без